

ТАИНСТВО ВЕРЫ

Митрополит
Иларион
(Алфеев)

Иларион (Алфеев)

Таинство веры

Торговый Дом "Познание"

2021

УДК 281.93
ББК 86.372

(Алфеев) И.

Таинство веры / И. (Алфеев) — Торговый Дом "Познание", 2021

ISBN 978-5-6044872-8-0

Эта книга представляет собой введение в христианское вероучение, молитву и богослужение. Автор говорит о сердцевинных вопросах православной веры, но говорит просто и доступно. Не случайно книга выдержала 12 изданий и переведена на 22 языка. Что дает человеку вера? Кто такой Бог и как понимает Его Православная Церковь? Как Бог может быть одновременно един и троичен? Каково православное учение о человеке? В чем значение Иисуса Христа? Для чего нужны Церковь и таинства? В чем смысл смерти и что ждет человека после смерти? На эти и многие другие вопросы отвечает настоящая книга. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 281.93

ББК 86.372

ISBN 978-5-6044872-8-0

© (Алфеев) И., 2021

© Торговый Дом "Познание", 2021

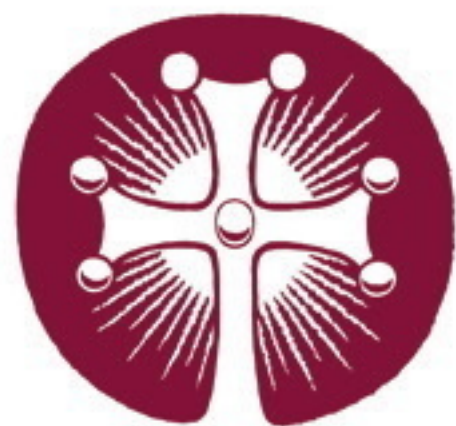
Содержание

Предисловие автора	6
Глава I	9
Зов	9
Многообразие путей	11
Философия ищет Творца вселенной	13
Богооткровенная религия	15
Глава II	18
Этимология слова «Бог»	18
Божественные имена	21
Свойства Бога	23
Утверждение и отрицание	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Митрополит Иларион (Алфеев) Таинство веры

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-016-0053

ПОЗНАНИЕ

© Митрополит Иларион (Алфеев), текст, 2021
© Издательский Дом «Познание», 2021

Предисловие автора

Эта книга была написана «на одном дыхании» – в течение Великого поста 1992 года. В своем первоначальном виде она представляла собой подборку материалов для лекций по догматическому богословию, не предназначенных для печати. Книга впервые увидела свет в 1996 г. по инициативе группы студентов Свято-Тихоновского православного богословского института. Вскоре появилось второе издание, за ним последовали другие издания и переводы книги на иностранные языки.

Книга не является систематическим изложением догматического богословия Православной Церкви. Жанр книги может быть определен как личный комментарий автора, православного священника, к догматам Православной Церкви. Поэтому книга скорее ставит вопросы, чем дает ответы. Так как книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся учением Православной Церкви в его историческом развитии и в его отношении к современным проблемам, автор считал необходимым дать читателям возможность услышать живой голос учителей Церкви и некоторых ее ведущих богословов и потому приводил буквально их высказывания относительно основных догматов вероучения.

Догмáт – слово греческое; оно означает непреложную истину, принимаемую на веру и общеобязательную для христиан (от греч. *dogma* – «закон», «правило», «постановление»)¹. Догматы богооткровенны, потому что они основаны на Священном Писании, хотя окончательно сформулированы в позднейшую эпоху. Они являются достоянием всей Церкви, как выработанные ее соборным разумом. В отличие от догматов, ереси (от греч. *hairesis* – букв. «выбор», «изъятие») представляют собой богословские мнения, противопоставленные церковному учению, как бы изъятые из его контекста. Все догматы были сформулированы в ответ на возникавшие ереси. В свою очередь, и ереси рождались из недоумений по основным пунктам вероучения. Многовековая история христианства наполнена постоянной борьбой с ересями: в этой борьбе крепло сознание Церкви, оттачивались формулировки, развивалось богословское мышление. Система православного догматического богословия – итог всей двухтысячелетней истории христианства.

В современном мире широко распространен такой взгляд на религию, при котором догматы рассматриваются как нечто необязательное и вторичное, а первичными признаются нравственные заповеди. Отсюда – религиозный индифферентизм и равнодушие к богословию. Однако Церковь всегда сознавала, что догматы и заповеди связаны неразрывно и одно не бывает без другого. «Вера без дел мертва», – говорит апостол Иаков (Иак. 2:26). А по апостолу Павлу, «человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3:28). В этих двух фразах нет противоречия: дела необходимы, но они не спасительны сами по себе, без веры, потому что спасает людей Христос, а не их собственные добродетели.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными», – говорит Христос (Ин. 8:32), Который Сам является единственной Истиной, Путем и Жизнью (Ин. 14:6). Каждый догмат раскрывает истину, указывает путь и приобщает к жизни. А каждая ересь удаляет от истины, закрывает для человека путь ко спасению и делает его духовно мертвым. Борьба за догматы, которую вела Церковь на протяжении всей своей истории, была, как показывает В. Лосский,

---

¹ *Греческое слово «дóгма», с ударением на первом слоге, женского рода, вошло в русский язык и в просторечии имеет отрицательный оттенок чего-то застывшего и безжизненного (так же как и слово «догматический»). Слово «догмáт», мужского рода, с ударением на втором слоге, восходит к славянским богослужебным текстам: «Яко царское украшение Церкви, Василия вси восхвалим, догматов сокровище нескудеемо»; «Празднует днесь Церковь честное торжество учителей триех, ибо тии утвердиша Церковь божественными своими догматы» (Служба трем святителям: Миния праздничная. М., 1970, с. 295–296).

борьбой за спасение человека, за возможность приобщения к истинной Жизни, единения с Богом и вечного блаженства.¹

Православное богословие никогда не располагало таким полным и исчерпывающим сводом вероучительных истин, каким для католического Запада являлась «Сумма теологии» Фомы Аквинского, где была сделана попытка систематизировать все христианское вероучение в виде вопросов и ответов. Труд Аквината на долгие столетия предопределил развитие богословской мысли Запада, которая становилась все более рациональной и схоластичной. Волей исторических обстоятельств православное богословие последних веков испытало на себе сильное влияние западного «школьного богословия», отразившееся, в частности, на русских учебниках по догматике, написанных в XIX веке. Оторванность от реальной духовной жизни и умозрительность, характерные для «школьного богословия» Католической Церкви вплоть до Второго Ватиканского Собора, в значительной мере присущи и русскому догматическому богословию прошлого столетия. И лишь в XX веке, трудами таких богословов, как Владимир Лосский, протоиерей Георгий Флоровский и других, был положен конец схоластическому засилью в русском богословии и выработано общее направление дальнейшего богословского поиска, лозунгом которого стало «вперед – к отцам». Жизнь во Христе есть духовный огонь, а богословие, построенное в первую очередь на доводах разума, подобно соломе, попадаемой и уничтожаемой огнем подлинного религиозного опыта.

Говоря так, мы вспоминаем самого «отца схоластики» Фому Аквинского, которому, как повествует его жизнеописание, незадолго до смерти явился Христос, после чего он неожиданно для всех прекратил литературную деятельность, оставив незаконченной свою «Сумму». «После того, что я видел, все, написанное мною, кажется мне подобным соломе», – сказал он своим ученикам.² Богословие должно не противоречить религиозному опыту, а, наоборот, исходить из последнего; именно таким было богословие отцов Церкви на протяжении двадцати столетий – от апостола Павла и священномученика Игнатия Богоносца до святителя Феофана Затворника и преподобного Силуана Афонского.

В нашей книге мы стремились основываться на учении святых отцов, учитывая, впрочем, не только то, что у всех церковных писателей было общего, но и те частные богословские мнения (теологумены), которые вносились отдельными авторами в сокровищницу христианского вероучения. Главным критерием богословской точности служит, по православному пониманию, так называемый *consensus patrum* – «согласие отцов» по основным вопросам доктрины. Однако нельзя понимать этот *consensus* как нечто искусственное, созданное в результате отсека у каждого автора всего индивидуального и наиболее яркого, как некий «общий знаменатель» святоотеческой мысли. Нам представляется, что «согласие отцов» подразумевает их общность в главном при возможных разногласиях по отдельным пунктам. Поэтому многие частные мнения святых отцов, будучи плодами духовного поиска богопросвещенных мужей веры, не должны искусственно отсекаются для создания упрощенной схемы или «суммы» богословия.

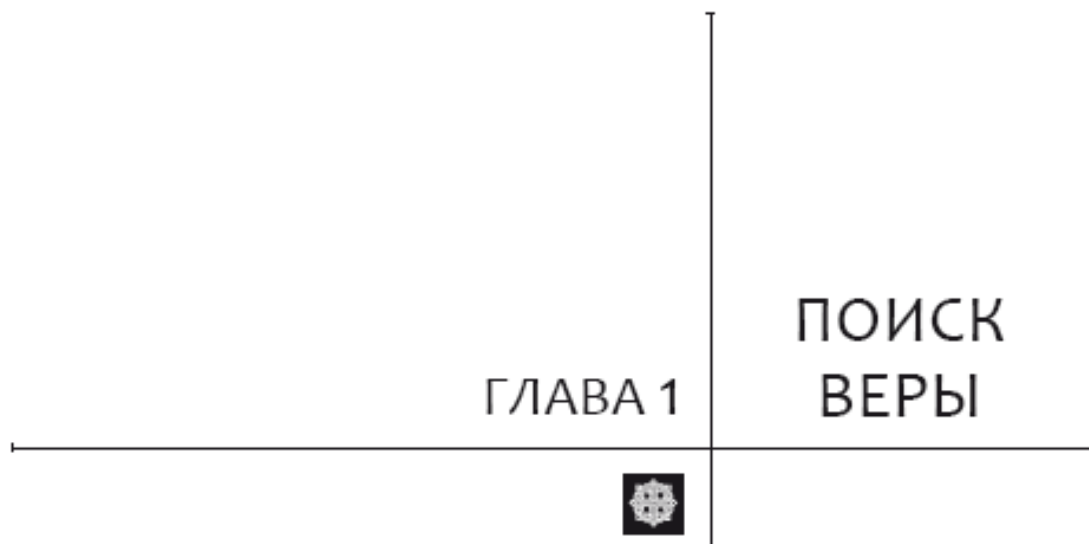
В нашей книге мы, помимо высказываний отцов и учителей Церкви, приводили мнения некоторых современных православных богословов. Православная догматика не является памятником христианской древности: она требует живого восприятия и современного комментария, учитывающего опыт человека XX столетия. Нельзя, например, излагая догматическое учение Церкви, обходить молчанием взгляды таких выдающихся богословов, как митрополит Сурожский Антоний или архимандрит Софроний (Сахаров), которые сумели, оставаясь верными святоотеческому Преданию, ответить на жгучие вопросы сегодняшнего человека – вопросы, далеко не всегда совпадающие с тем, чем интересовались в IV веке. Православная догматика не может быть сведена к простому повторению того, что было сказано древними

отцами. Речь идет не о переосмыслении догматов, но о таком их осмыслении заново, при котором частью догматической системы становится опыт современного христианина.

Основанное на духовном опыте, чуждое рационализма и схоластики, православное богословие остается живым и действенным в наши дни не менее, чем сотни лет назад. Одни и те же вопросы всегда стояли и стоят перед человеком: что есть истина? в чем смысл жизни? как достичь истинного богопознания и блаженства в Боге? Христианство не стремится поставить точки над *i*, исчерпав все вопрошания человеческого духа. Но оно открывает иную реальность, настолько превосходящую все окружающее нас в земной жизни, что, встретившись с ней, человек забывает свои вопросы и недоумения, потому что душа его соприкасается с Божеством и умолкает в предстоянии Тайне, выразить Которую не в силах никакое человеческое слово.

Глава I Поиск веры

Зов

Вера – это путь, по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. Первый шаг делает Бог, всегда и безусловно верящий в человека. Он дает человеку некий знак, некое предощущение Своего присутствия. Человек слышит как бы таинственный зов Бога, и его шаг навстречу Богу является ответом на этот зов. Бог призывает человека явно или тайно, ощутимо или почти незаметно. Но трудно человеку поверить в Бога, если он прежде не ощутит призвания.

Вера – это тайна и таинство. Почему один человек откликается на зов, а другой нет? Почему один, услышав слово Божие, готов принять его, а другой остается глух? Почему один, встретив Бога на своем пути, тотчас бросает все и следует за Ним, а другой отворачивается и уходит в сторону?

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его... ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18–22). В чем тайна этой готовности галилейских рыбаков, бросив все, следовать за Христом, Которого они видят впервые в жизни? И почему богатый юноша, которому Христос тоже сказал: «Приходи и следуй за Мною», – не откликнулся тотчас же, но «отошел с печалью»? (Мф. 19:21–22). Не в том ли причина, что те были нищими, а этот обладал «большим имением», те не имели ничего, кроме Бога, а у этого были «сокровища на земле»?

У каждого человека есть свои сокровища на земле – будь то деньги или вещи, хорошая работа или жизненное благополучие. А Господь говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). В древних списках Евангелия от Луки еще проще и прямее: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6:20). Блаженны ощутившие, что они ничего не имеют в этой жизни, хотя бы и обладали многим, почувствовавшие, что никакое земное обретение не может заменить человеку Бога. Блаженны те, которые идут и продают все свое богатство, чтобы приобрести одну драгоценную жемчужину – веру (Мф. 13:45–46).

Блаженны те, которые познали, что без Бога они нищие, которые возжаждали и взалкали Его всей душой, всем разумом и волей.

Слово о вере никогда не было легким для восприятия. Но в наше время люди бывают настолько поглощены проблемами земного существования, что многим просто некогда услышать это слово и задуматься о Боге. Подчас религиозность сводится к тому, что празднуют Рождество и Пасху и соблюдают еще кое-какие обряды только ради того, чтобы «не оторваться от корней», от национальных традиций. Где-то религия вдруг становится «модной», и в церковь идут, чтобы не отстать от соседа. Но главным для многих является деловая жизнь, работа. «Деловые люди» – это особая генерация людей XX века, для которых не существует ничего, кроме их собственной функции в каком-то «деле», бизнесе, поглощающем их полностью и не оставляющем ни малейшего просвета или паузы, необходимой для того, чтобы услышать голос Бога.

И все же, как ни парадоксально, среди шума и круговорота дел, событий, впечатлений люди слышат в своем сердце таинственный Божий зов. Этот зов, может быть, не всегда отождествляется с идеей о Божестве и субъективно нередко воспринимается просто как некая неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, поиск. И только спустя годы человек осознает, что вся его прежняя жизнь была такой неполноценной и ущербной из-за того, что в ней не было Бога, без Которого нет и не может быть полноты бытия. «Ты создал нас для Себя, – говорит блаженный Августин, – и беспокойно томится сердце наше, пока не успокоится в Тебе»¹.

Божий зов можно уподобить стреле, которой Бог, как опытный охотник, ранит душу человека. Кровоточащая и незаживающая рана заставляет душу, забыв обо всем, искать врача. Душа того, кто ощутил зов, становится одержимой горячим влечением к Богу. «И помыслы такой души, – пишет преподобный Макарий Египетский, – горят духовной любовью и неудержимой тягой ко все более славным и светлым красотам духа, томятся неудержимой любовью к небесному Жениху и... рвутся к возвышеннейшему и величайшему, чего уже больше ни словами не высказать, ни человеческим разумом не постичь... Через великие труды, усилия, долгое подвижничество и совершенную борьбу... такие души всегда восхищены небесными духовными таинствами и увлечены разнообразием Божьей красоты, в великой жажде ища лучшего и величайшего. Ибо в Божественном Духе заключена разнообразная и неисчерпаемая, неизреченная и немыслимая красота, открывающая себя достойным душам на радость, и наслаждение, и жизнь, и утешение, чтобы чистая душа, томящаяся ежечасно сильнейшей и пламенной любовью к небесному Жениху, никогда уже более не оглядывалась на земное, но была всецело объята влечением к Нему»².

Многообразие путей

Люди приходят к Богу разными путями. Иногда встреча с Богом бывает внезапной и неожиданной, иногда – подготовленной долгим путем исканий, сомнений, разочарований. В одних случаях Бог «настигает» человека, заставляя его врасплох, в других – человек обретает Бога, сам обращается к Нему. Это обращение может произойти рано или поздно, в детстве и юности, в зрелости и старости. И нет двух людей, которые пришли бы к Богу одинаковой дорогой. И нет такой проторенной дороги, по которой один мог бы идти вместо другого. Каждый здесь является первопроходцем, каждый должен пройти весь путь сам и обрести своего личного Бога, Которому мы говорим: «Боже, Ты – Бог *мой!*» (Пс. 62:2). Бог один и тот же для всех людей, но Он должен быть открыт *мною* и стать *моим*.

Один из примеров внезапного обращения человека – апостол Павел. До своего апостольства он был правоверным иудеем и ненавидел христианство, как вредную и опасную секту: «дыша угрозами и убийством», он шел в Дамаск, намереваясь причинить много зла Церкви. И когда он уже приближался к городу, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9:1–5). Ослепленный Божественным светом, Савл потерял зрение – три дня он не видел, не ел и не пил. А потом принял Крещение, прозрел и стал апостолом Христа – тем, кому суждено было «более всех» потрудиться в проповеди Евангелия (1 Кор. 15:10). И тотчас после своего Крещения он пошел проповедовать того Христа, Который открылся лично ему, Который стал *его* Богом.

А вот пример нашего современника – митрополита Сурожского Антония. В детстве был неверующим, и то, что он слышал о Христе, не вызывало у него никаких симпатий к христианству. Однажды, возмущенный проповедью одного священника, он решил проверить, неужели христианство в самом деле так непривлекательно, как его изображают в слащавых рассказах. Он взял Новый Завет, выбрал из четырех Евангелий самое короткое, чтобы не тратить много времени, и принялся читать. «Пока я читал Евангелие от Марка, – рассказывает он сам, – между первой главой и началом третьей вдруг я ощутил, что по ту сторону стола, пред которым я сижу, Кто-то стоит невидимо, но абсолютно ощутимо. Подняв глаза, я ничего не увидел, ничего не слышал, никаких чувственных ощущений у меня не было, но была *абсолютная* уверенность, что стоит по ту сторону стола Иисус Христос... С этого начался для меня целый переворот...

Я почувствовал, что никакой иной задачи не может быть в жизни, кроме как поделиться с другими той преображающей жизнь радостью, которая открылась мне в познании Бога и Христа. И тогда, еще подростком, вовремя и не вовремя, на школьной скамье, в метро, в детских лагерях я стал говорить о Христе, каким Он *мне* открылся: как жизнь, как радость, как смысл, как нечто настолько новое, что оно обновляло все... Я мог бы сказать вместе с апостолом Павлом: "Горе мне, если не благовествую" (1 Кор. 9:16). Горе, потому что не делиться этим чудом было бы преступлением перед Богом, это *чудо* свершившим, и перед людьми, которые по всей земле сейчас жаждут живого слова о Боге, о человеке, о жизни...»³

Менее внезапным, но не менее неожиданным было обращение к религии французского яхтсмена Бернара Муатессье. Будучи участником кругосветных одиночных гонок, победителя которых ждала огромная денежная премия и всемирная слава, он уверенно двигался к финишу и имел все шансы рассчитывать на победу – ему уже готовили торжественную встречу в Англии. Неожиданно для всех он изменил маршрут и направил яхту к берегам Полинезии...

Только через несколько месяцев удалось узнать, почему он выбыл из игры. Находясь долгое время наедине с океаном и небом, он все глубже задумывался о смысле жизни, и все

менее привлекательной казалась ему та цель, которой предстояло достичь, – деньги, успех, слава. В океане он ощутил *дыхание вечности*, почувствовал присутствие Бога и уже не хотел возвращаться к обычной мирской суете.

Конечно, обращение к Богу совсем не всегда бывает внезапным и неожиданным: чаще человек долго ищет, прежде чем обретает. Блаженный Августин должен был пройти через многие заблуждения и испытания, перечитать множество философских и богословских книг, прежде чем в тридцать три года понял, что не может жить без Бога. В наше время некоторые начинают искать абстрактную и отвлеченную «истину» через книги, а приходят к откровению Бога Личности. Иногда к христианству приходят окольным путем – через восточные религии и культы, буддизм, йогу. Иные приходят к Богу, пережив катастрофу: потерю близкого, скорбь, болезнь, крушение надежд. В несчастье человек ощущает свою нищету, понимает, что он все потерял и не имеет ничего, кроме Бога. Тогда он может воззвать к Богу *de profundis* – из глубины (Пс. 129:1), из бездны горя и безнадежности.

Обращение к Богу может произойти благодаря встрече с истинным верующим – священником, благочестивым мирянином. Христос сказал: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца Небесного» (Мф. 5:16). Если бы христиане сияли Божественным светом, если бы в их глазах отражалась Божественная любовь, это было бы лучшим свидетельством о Боге и доказательством Его бытия. Один юноша решил посвятить жизнь Богу после того, как увидел священника, который на его глазах преобразился, подобно Христу на Фаворе, и просиял небесным светом...

Есть и самый, как кажется, естественный путь к Богу: ребенок рождается в религиозной семье и вырастает верующим. И тем не менее вера, хотя и может быть получена от предков, должна быть осмыслена или выстрадана самим человеком, должна стать частью *его* собственного опыта. Известны случаи, когда из религиозных или даже священнических семей выходили атеисты: достаточно вспомнить Чернышевского и Добролюбова, которые оба происходили из духовного сословия, но порвали с религиозностью своих предков... Верующими не рождаются. Вера дается, но дается усилиями и подвигом того, кто взыскал ее.

Философия ищет Творца вселенной

Сколько живет на земле человек, ему всегда было присуще стремление найти истину, осмыслить свое бытие. В Древней Греции философы занимались исследованием мироздания и его законов, а также человека и закономерностей его мышления, надеясь на основе этого достичь знания о первопричинах всех вещей. Философы не только предавались рассуждениям и логизированию, они изучали также астрономию и физику, математику и геометрию, музыку и поэзию. Разносторонние познания сочетались с аскетической жизнью и молитвой, без которых невозможно достичь очищения ума, души и тела – катарсиса.

Изучая видимый мир, философы приходили к выводу, что во Вселенной нет ничего случайного, но каждая деталь имеет свое место и выполняет свою функцию, подчиняясь строгим законам: планеты никогда не отклоняются от своих орбит, и спутники не покидают свои планеты. В мире все так гармонично и целесообразно, что древние называли его «космосом», то есть красотой, порядком, гармонией, в противоположность «хаосу» – беспорядку, дисгармонии. Космос представлялся огромным механизмом, в котором действует один никогда не нарушающийся ритм, один никогда не сбивающийся пульс. Но всякий механизм должен быть создан кем-то, всякие часы должны быть сконструированы и заведены. Так философы диалектическим путем приходили к идее единого Устроителя Вселенной.

Платон называл Его Творцом, Отцом, Богом и Демиургом – последний термин означает Делателя, Мастера. «Все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине, – пишет Платон. – Конечно, Творца и Отца этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы Его и найдем, о Нем нельзя будет всем рассказывать... Космос прекрасен, и Демиург его добр... Космос – прекраснейшая из возникших вещей, а Демиург – наилучшая из причин... Будучи благ, Он позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; Он привел их из беспорядка в порядок»⁴.

Платон жил в стране, где безраздельно господствовал политеизм: люди обоготворяли стихии и силы природы и поклонялись им. Формально философия не отвергала богов, однако признавала над ними высший Разум. В космологии Платона боги выполняют функции, в чем-то сходные с функциями ангелов в монотеистических религиях: Демиург создал их и повелевает ими, а они служат Его воле. Желая сотворить людей, Творец обращается к ним: «Боги богов! Я – ваш Демиург и Отец вещей, а возникшее от Меня пребудет неразрушимым, ибо такова Моя воля»⁵. Затем Он дает им первозданную материю и поручает создать из нее людей... Фактически античная философия, в лице своих лучших представителей преодолевая политеизм, подходила к истине о едином Боге.

Философы говорили также о Логосе (греч. *logos* означает «слово», «разум», «мысль», «закон»), первоначально воспринимавшемся как некий вечный и всеобщий закон, на основании которого устроен весь мир. Однако Логос не есть только абстрактная и отвлеченная идея: это также божественная созидаящая сила, посредствующая между Богом и сотворенным миром. Так учил Филон Александрийский и неоплатоники. У Плотина, представителя школы неоплатоников, философия почти превращается в религию – он подчеркивает трансцендентность, беспредельность, неограниченность и непознаваемость Божества: никакие определения не могут Его исчерпать, никакие свойства не могут быть Ему приписаны. Будучи полнотой бытия, Единое (так Плотин именовал Бога) порождает все другие виды бытия, из которых первым является Ум, а вторым – Мировая Душа; за пределами круга Мировой Души лежит материальный мир, то есть Вселенная, в которую Душа вдыхает жизнь. Мир, таким образом, является как бы отражением божественной реальности и носит в себе черты красоты и совершенства. Единое, Ум и Душа в совокупности составляют Божественную Триаду (Троицу).

Через очищение – катарсис – человек может возвыситься до созерцания Бога, однако Бог все равно остается непостижимым и неприступным, все равно остается тайной.

Античная философия путем диалектики вплотную подходит к тем истинам, которые окончательно будут открыты в христианстве – о едином Боге, Творце мира, о божественном Логосе Сыне, о Святой Троице. Не случайно раннехристианские писатели называли философию «христианством до Христа». «Хотя эллинская философия не содержит истину во всем ее величии... тем не менее она расчищает путь ко Христу», – говорил Климент Александрийский⁶. Многие отцы и учителя Церкви пришли к христианству через изучение философии или, по крайней мере, всегда относились с большим уважением к ней: священномученик Иустин Философ, Климент Александрийский, блаженный Августин, святители Григорий Нисский, Григорий Богослов. В притворах древнехристианских храмов наряду с мучениками и святыми изображались Сократ, Платон и Аристотель, как предтечи и провозвестники истины...

Богооткровенная религия

Большинство народов, населявших дохристианский мир, пребывали во тьме многобожия. Если и находились отдельные светлые умы, подобные греческим философам, способные вырваться из плена политеизма, все же их прозрения о едином Боге оставались чаще всего лишь догадками спекулирующего рассудка, и Бог Творец представлялся далеким и абстрактным. Иные даже думали, что Бог только устроил Вселенную, только запустил, так сказать, механизм, а больше уже не вмешивается в жизнь людей, предоставив все воле судьбы – рока.

Однако был один избранный народ, которому Бог вверил сокровенное знание о Себе, о сотворении мира, о смысле бытия. Древние евреи знали Бога не по книгам и не по рассуждениям мудрецов, но по собственному многовековому опыту. Они оставили Великую Книгу – Библию, которая не выдумана людьми, а дана свыше в непосредственном откровении от Бога. Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Илия, многие праведники и пророки не просто размышляли о Боге, молились Ему – они видели Его своими глазами, беседовали с Ним лицом к лицу. «...И Господь явился Аврааму и сказал ему: Я Бог Всемогущий, ходи передо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою... И пал Авраам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним и сказал: Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов... Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя» (Быт. 17:1–4, 7). Евреи называли Бога «Богом отцов», то есть Богом предков, и свято хранили завет, вверенный их отцам.

Все откровения Бога в Ветхом Завете носят личный характер. Бог открывается человеку не как абстрактная сила, но как живое Существо – говорящее, слышащее, видящее, мыслящее, помогающее. «И сказал Господь Моисею: вот, Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда... На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ... Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее... Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом... И изрек Бог (к Моисею) все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим... И стоял (весь) народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. 19:9, 16, 18–19; 20:1–3, 21). Мрак и облако в данном случае означают тайну: Бог, хотя и является человеку, тем не менее остается таинственным и непостижимым. Никто из людей не должен был приближаться к Синайской горе, «дабы не умереть» (Исх. 20:19), ибо «человек не может увидеть Бога и остаться в живых» (Исх. 33:20). То есть, хотя Моисей и видел Бога, сущность Его остается недоступной для человеческого видения.

В жизни израильского народа Бог принимает живое и деятельное участие. Когда Моисей выводит народ из Египта в землю обетованную, Бог Сам в огненном столпе идет впереди народа. Бог пребывает среди людей, общается с ними, живет в доме, который они для Него построили. Когда царь Соломон закончил строительство храма, он призывает Бога и просит, чтобы Он жил там. «...Облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе... Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил... но призри на молитву раба Твоего и на прошение его... Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: “Мое имя будет там”... при всякой молитве, при всяком прошении, какое будет от какого-либо человека во всем народе Твоем Израиле, когда они почувствуют бедствие в сердце своем и прострут руки свои к храму сему, Ты услышь с неба, с места обитания Твоего, и помилуй» (3 Цар. 8:10–13, 27–29, 38–39). И Бог, Который обитает во мгле, то есть в тайне, Которого не могут вместить

небо и земля, то есть видимый и невидимый мир, сходит к людям и *живет* там, где они хотят, чтобы Он жил, где они *отвели место* Ему.

Это самое поразительное в богооткровенной религии: Бог остается под покровом тайны, остается неведомым и вместе с тем столь близким к людям, что они могут называть его «Бог *наш*» и «Бог *мой*». И в этом та пропасть, которая лежит между откровением Божиим и всеми достижениями человеческой мысли: Бог философов остается абстрактным и неживым, тогда как Бог откровения – живой, близкий и личный. И тот, и другой путь ведут к пониманию того, что Бог непостижим и что Он есть тайна, но философия оставляет человека у подножия горы и не позволяет подняться дальше, тогда как религия ведет его к вершине, где Бог *живет* во мраке, она вводит его внутрь облака, то есть поверх всех слов и рассудочных умозаключений приоткрывает перед ним тайну Бога...

Вот тайна: есть души, которые познали Господа; есть души, которые не познали Его, но веруют; а есть и такие, которые не только не познали, но и не веруют... Неверие бывает от гордости. Горделивый человек своим умом и наукою хочет познать все, но ему не дается познать Бога, потому что Господь открывается только смиренным душам... И на небе, и на земле Господь познается только Духом Святым... И у язычников душа чувствовала, что Бог есть, хотя они и не знали, как почитать истинного Бога. Но Дух Святой научил святых пророков, потом апостолов, потом святых отцов и епископов наших, и так истинная вера дошла до нас... О, люди, творение Божие, познайте Творца. Он любит нас. Познайте любовь Христову и живите в мире... Обратитесь к Нему, все народы земли, и вознесите молитвы свои к Богу; и молитва всей земли пойдет к небу, как прекрасное тихое облако, освещенное солнцем... Познайте, народы, что мы созданы для славы Божией на небесах, и не прилепляйтесь к земле, ибо Бог – наш Отец и любит нас, как дорогих детей.

Преподобный Силуан Афонский

Философия... является очевидным и воплощенным отображением истинного учения, даром, который эллинам ниспослан от Бога. И от веры она не отвлекает нас... напротив, мы ограждаемся философией как неким крепким оплотом, открывая в ней союзника, совместно с которым и обосновываем потом нашу веру... Прежде пришествия Господа философия была необходима эллинам для достижения некоторого рода праведности... Она была для эллинов таким же руководителем, каким был и Закон для евреев, и приводила их как детей ко Христу (Гал. 3:23–24)... Без сомнения, путь к Истине один, но в нее впадают ручьи – одни с одной стороны, другие с другой, в ее ложе соединяясь в реку, которая уже течет в вечность.

Климент Александрийский

Чтение книг платоников надоумило меня искать бестелесную истину: я увидел «невидимое, понятое через творение», и, отброшенный назад, почувствовал, что, по темноте души моей, созерцание для меня невозможно. Я был уверен, что Ты существуешь, что Ты бесконечен, но не разлит в пространстве... Итак, я с жадностью схватился за почтенные книги,

продиктованные Духом Твоим, и прежде всего за послания апостола Павла... Я начал читать и нашел, что все истинное, вычитанное мной в книгах философов, говорится и в Твоем Писании... [Но в книгах философов] не было облика этого благочестия, слез исповедания... «сердца сокрушенного и смиренного» (Пс. 50:19), не было ни слова о спасении народа, о «городе, украшенном, как невеста» (Апок. 21:2), о «залоге Святого Духа» (2 Кор. 1:22), о Чаше, нас искупившей. Никто там не воспекает: «Разве не Богу покорена душа моя? От Него спасение мое...» (Пс. 61:2). Никто не услышит там призыва: «Приидите ко Мне, страждущие». Они (философы) презрительно отвернутся от Того, Кто «кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:28–29).

Блаженный Августин

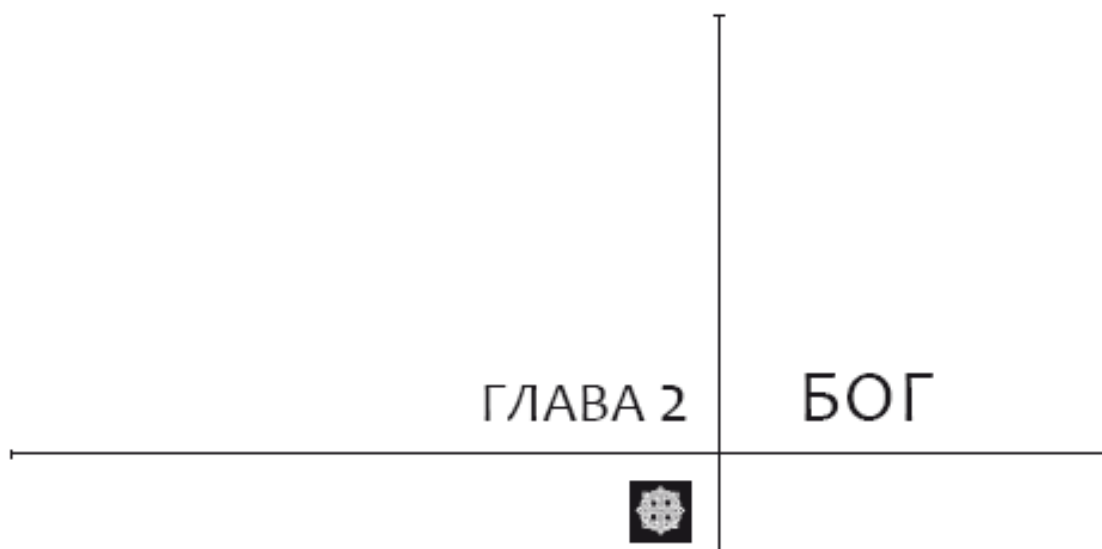
...Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил [быть] подобными образу Сына Своего... А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил. Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?

Апостол Павел

Вера во Христа есть новый рай. Поэтому и предвидел Бог прежде создания мира всех, кто уверовали и должен уверовать в Него, которых призвал и не перестанет [призывать] до скончания мира, и прославил и прославит, и оправдал и оправдает, явно показывая их сообразными образу славы Сына Своего через святое Крещение и благодать Святого Духа, таинственно делая их сынами Божиими и восстанавливая их из ветхих в новые, из смертных в бессмертные...

Преподобный Симеон Новый Богослов

Глава II Бог

Этимология слова «Бог»

В разных языках слово «Бог» родственно различным словам и понятиям, каждое из которых может сказать нечто о свойствах Бога. В древнюю эпоху люди пытались подобрать те слова, при помощи которых они могли бы выразить свое представление о Боге, свой опыт соприкосновения с Божеством.

В русском языке и в других языках славянского происхождения, относящихся к индоевропейской группе, слово «Бог», как считают лингвисты, родственно санскритскому *bhaga*, что значит «одаряющий, наделяющий», в свою очередь происходящему от *bhagas* – «достояние», «счастье»¹. «Богатство» тоже родственно слову «Бог». В этом выражено представление о Боге как полноте бытия, как всесовершенстве и блаженстве, которые, однако, не остаются *внутри* Божества, но изливаются на мир, людей, на все живое. Бог *одаряет, наделяет* нас Своей полнотой, Своим богатством, когда мы приобщаемся к Нему.

Греческое слово *theos*, по мнению Платона, происходит от глагола *thein*, означающего «бежать». «Первые из людей, населявших Элладу, почитали только тех богов, которых и теперь еще почитают многие варвары: солнце, луну, землю, звезды, небо. А поскольку они видели, что все это всегда бежит, совершая круговорот, то от этой-то природы бега им и дали имя богов», – пишет Платон². Иными словами, древние видели в природе, ее круговращении, ее целенаправленном «беге» указания на существование какой-то высшей разумной силы, которую не могли отождествить с единым Богом, но представляли в виде множества божественных сил.

Однако святитель Григорий Богослов наряду с этой этимологией приводит другую: имя *theos* от глагола *aithein* – «зажигать», «гореть», «пылать». «Ибо Господь Бог твой есть огонь поядоющий, Бог ревнитель», – говорится в Библии (Втор. 4:24); эти слова повторит и апостол Павел, указывая на способность Бога истреблять и пожигать всякое зло (Евр. 12:29). «Бог есть огонь, а диавол холоден», – пишут святые Варсануфий и Иоанн³. «Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы, – говорит преподобный Серафим Саровский. – Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола... призовем Господа: Он, придя,

согреет сердце наше совершенной любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты убежит холод ненавистника добра»⁴.

Преподобный Иоанн Дамаскин дает еще третью этимологию слова *theos* – от *theaomai* – «созерцать»: «Ибо от Него нельзя что-либо утаить, Он всевидец. Он созерцал все прежде, чем оно получило бытие...»⁵

На языках германского происхождения слово «Бог» – английское *God*, немецкое *Gott* – происходит от глагола, означающего «падать ниц», падать в поклонении. «Людьми, которые в раннее время стремились сказать нечто о Боге, – говорит по этому поводу митрополит Сурожский Антоний, – не было сделано попытки Его описать, очертить, сказать, каков Он в Себе, а только указать на то, что случается с человеком, когда вдруг он окажется лицом к лицу с Богом, когда вдруг его осияет Божественная благодать, Божественный свет. Все, что человек может тогда сделать, это пасть ниц в священном ужасе, поклоняясь Тому, Кто непостижим и вместе с тем открылся ему в такой близости и в таком дивном сиянии»⁶. Апостол Павел, которого Бог осиял на пути в Дамаск, пораженный этим светом, тотчас «упал на землю... в трепете и ужасе» (Деян. 9:4, 6).

Имя, с которым Бог открылся древним евреям, – *Yahweh* (Яхве) означает «Сущий», имеющий существование, имеющий бытие, оно происходит от глагола *hayah* – «быть», «существовать», или, скорее, от первого лица этого глагола *ehieh* – «Я есмь». Однако этот глагол имеет динамический смысл: он означает не просто сам по себе факт существования, но некое всегда актуальное бытие, живое и действенное присутствие. Когда Бог говорит Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх. 3:14), это означает: Я живу, Я здесь, Я рядом с тобой. Вместе с тем это имя подчеркивает превосходство бытия Божьего над бытием всего существующего: это самостоятельное, первичное, вечное бытие, это полнота бытия, которая есть сверхбытие: «По своему значению Сущий сверхъестественно превосходит всю совокупность бытия, являясь единоличной Причиной и Создателем всего сущего: материи, сущности, существования, бытия; Сущий – начало и мера вечности, причина времени и мера времени для всего существующего и вообще становление всего становящегося. Из Сущего исходят вечность, сущность, сущее, время, становление и становящееся, поскольку в Сущем пребывает все сущее – как изменяющееся, так и неизменное... Бог – не просто Сущий, но Сущий, Которого вечно и беспрдельно заключает в Себе совокупность всех форм бытия – как настоящих, так и будущих», – пишет автор трактата «О Божественных именах»⁷.

Древнее предание говорит о том, что евреи в эпоху после вавилонского плена не произносили имя Яхве – Сущий – из благоговейного трепета перед этим именем. Только первосвященник один раз в год, когда входил для каждения во Святое Святых, мог там внутри произнести это имя. Если же простой человек или даже священник в храме хотел сказать что-либо о Боге, он заменял имя Сущий другими именами или говорил «небо». Была и такая традиция: когда требовалось сказать «Бог», человек замолкал и прикладывал руку к сердцу или показывал рукой на небо, и все понимали, что речь идет о Боге, но само священное *Имя* не произносилось. На письме евреи обозначали Бога священной тетраграммой (YHWH). Древние евреи прекрасно сознавали, что на человеческом языке нет такого имени, слова или термина, которым можно было бы поведать о сущности Бога. «Божество именуемо, – говорит святитель Григорий Богослов. – Не один разум показывает это, но и... мудрейшие и древнейшие из евреев. Ибо те, которые почтили Божество особенными начертаниями и не потерпели, чтобы одними и теми же буквами были записаны и имя Божие, и имена тварей... могли ли когда-нибудь решиться рассеянным голосом произнести Имя естества неразрушаемого и единственного? Как никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни ум совершенно не вмещал, ни голос не обнимал Божьей сущности»⁸. Воздерживаясь от произнесения имени Бога, евреи

показывали, что к Богу можно приобщиться не столько через слова и описания, сколько через благоговейное и трепетное молчание...

Божественные имена

В Священном Писании встречается множество имен Бога, каждое из которых, не будучи в силах описать Его по существу, указывает на те или иные Его свойства. Знаменитый трактат V века «О Божественных именах», приписываемый Дионисию Ареопагиту, является первым христианским систематическим изложением этой темы, хотя до того она развивалась и другими писателями, в частности святителем Григорием Богословом.

Некоторые имена, усвоенные Богу, подчеркивают Его превосходство над видимым миром, Его власть, господство, царское достоинство. Имя Господь (греч. *Kyrios*) обозначает верховное господство Бога не только над избранным народом, но и над всей Вселенной. Сюда же относятся имена: Господь Саваоф, то есть Господь воинств (небесных), Господь сил, Господь веков, Владыка, Царь славы, Царь царствующих и Господь господствующих. «Твое, Господи, величие, и могущество, и слава, и победа, и великолепие, и все, что на небе и на земле, – Твое: Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, как Владычествующий. И богатство, и слава от лица Твоего, и Ты владычествуешь над всем; и в руке Твоей сила и могущество, и во власти Твоей укрепить все» (1 Пар. 29:11–12). Имя Вседержитель (греч. *Pantokrator*) означает, что Бог *все держит* в Своей руке, поддерживает Вселенную и порядок в ней: «Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса» (Ис. 48:13); Бог «держит все словом силы Своей» (Евр. 1:3).

Имена: Святой, Святыня, Святость, Освящение, Благой, Благодать – показывают, что Бог имеет в Себе всю полноту добра и святости, причем Он изливает это добро на все Свои создания, *освящая* их. «Да святится имя Твое», – обращаемся мы к Богу в молитве «Отче наш». То есть да будет Твое имя свято не только на небесах, в духовном мире, но и здесь, на земле: да святится оно в нас, чтобы мы стали святы, как Ты... Бог также называется Мудростью, Истиной, Светом, Жизнью: «Мудростью, как знание божественных и человеческих дел... Истиной, как единое, а не множественное по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многолика)... Светом, как светлость душ, очищенных в уме и жизни, ибо если незнание и грех – тьма, то знание и жизнь божественная – свет... Жизнью, потому что Он свет, опора и осуществление всякой разумной природы» (свт. Григорий Богослов) ⁹.

Спасением, Искуплением, Избавлением, Воскресением называет Бога Священное Писание потому, что только в Нем (во Христе) осуществляется спасение человека от греха и вечной смерти, воскресение к новой жизни.

Бог назван Правдой и Любовью. Имя Правды подчеркивает Божественную справедливость: Он Судья, наказывающий за зло и награждающий за добро. Так во всяком случае воспринимает Бога Ветхий Завет. Однако Новозаветное Благовестие открывает нам, что Бог, будучи справедливым и правосудным, превосходит всякое наше представление о справедливости: «Не называй Бога правосудным, – пишет преподобный Исаак Сирин. – Хотя Давид называет Его правосудным и справедливым, но Сын открыл нам, что Он скорее благ и благодетен... Почему человек называет Бога правосудным, когда в главе о блудном сыне... читает, что при одном сокрушении, которое явил сын, отец прибежал и упал на шею его и дал ему власть над всем богатством своим? Где же правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер? Где воздаяние за дела наши?» ¹⁰ Ветхозаветное представление о справедливости Бога Новый Завет восполняет учением о Его любви, превосходящей всякую справедливость. «Бог есть любовь», – говорит святой апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 4:16). Это самое возвышенное определение Бога, самое истинное из того, что можно сказать о Нем. Как говорит святитель Григорий Богослов, это имя «угоднее Богу больше всякого другого имени» ¹¹.

В Библии также встречаются имена Бога, заимствованные из природы и являющиеся не Его характеристиками, не попытками определить Его свойства, но как бы символами и аналогиями, имеющими вспомогательное значение. Бог сравнивается с солнцем, звездой, огнем, ветром, водой, росой, облаком, камнем, скалой, благоуханием. О Христе говорится как о Пастыре, Овце, Агнце, Пути, Двери, образе Божиим. Все эти имена просты и конкретны, они заимствованы из повседневной реальности, из обыденной жизни. Но их значение такое же, как в притчах Христа, когда под образами жемчужины, дерева, закваски в тесте, семян на поле мы угадываем нечто бесконечно более великое и значительное.

Во многих текстах Священного Писания о Боге говорится как о человекоподобном существе, то есть как об имеющем лицо, глаза, уши, руки, плечи, крылья, ноги, дыхание; говорится, что Бог поворачивается или отворачивается, вспоминает или забывает, гневается или успокаивается, удивляется, скорбит, ненавидит, ходит, слышит. В основе этого антропоморфизма лежит опыт личной *встречи с Богом как живым существом*.

Пытаясь выразить этот опыт, человек прибегал к земным словам и образам. В библейском языке почти нет отвлеченных понятий, которые играют такую важную роль в языке спекулятивной философии: когда надо было обозначить какой-то промежуток времени, не говорили «эпоха» или «период» – говорили «час», «день», «год» или «век»; когда надо было сказать о материальном и духовном мире, не говорили «материя» и «духовная реальность», но – «небо» и «земля».

Библейский язык, в отличие от философского, обладает предельной конкретностью именно потому, что опыт библейского Бога был опытом личной встречи, а не отвлеченных умозрительных спекуляций. Древние ощущали Бога рядом с собой – Он был их царем, предводителем, Он присутствовал на их богослужениях, праздниках, собраниях. И когда Давид говорит: «услышал Господь моление мое» (Пс. 6:10), это не означает, что раньше Бог не слышал, а теперь услышал: Бог слышал всегда, просто человек раньше этого не чувствовал, а теперь почувствовал. И слова «яви лицо Твое рабу Твоему» (Пс. 30:17) – это просьба не о том, чтобы Бог, Которого раньше не было, вдруг оказался здесь, потому что Он присутствует всегда и везде, но чтобы человек, прежде не замечавший Бога, смог Его увидеть, ощутить, познать, встретить.

В Библии Бог многократно назван Отцом, а люди – Его детьми: «Только Ты – Отец наш, ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое – Искупитель наш» (Ис. 63:16). В последние годы в протестантском мире все чаще говорится о том, что, поскольку Бог не имеет пола, Его не следует называть «Отцом». Некоторые представители так называемого феминистского богословия настаивают на том, что Бог в равной степени является Матерью, и в Молитве Господней вместо «Отче наш» произносят «Отец наш и Мать» (Our Father and Mother), а при переводе Священного Писания в тех местах, где речь идет о Боге, заменяют местоимение «Он» на «Он-Она» (He-She). Эти нелепые искажения библейского представления о Боге происходят из непонимания того факта, что разделение на два пола существует в человеческом и животном мире, но не в Божественном бытии. Это своеобразный псевдоантропоморфизм, имеющий мало общего с библейским антропоморфизмом. Для нас бесспорно только, что, являясь израильскому народу, Бог открывался с именем Отец. Очевидно также и то, что, когда Бог воплотился, Он стал не женщиной, а мужчиной – Иисусом Христом.

Свойства Бога

Трудно говорить о свойствах Того, сама природа Которого находится за пределами слов. Тем не менее, исходя из действий Бога в тварном мире, человек может делать предположения и умозаключения относительно свойств Бога. Согласно преподобному Иоанну Дамаскину, Бог безначален, бесконечен, вечен, постоянен, несотворен, непреложен, неизменяем, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неопишуем, беспределен, недоступен для ума, необъятен, непостижим, благ, праведен, Творец всех вещей, Всемогущ, Вседержитель, Всевидящий, Промыслитель обо всем, Владыка всего¹².

Безначальность Божья означает, что Он не имеет над Собой никакого высшего начала или причины Своего существования, но Сам является причиной всего. Он не нуждается ни в чем постороннем, свободен от внешнего принуждения и воздействия: «Кто уразумел дух Господа и был советником у Него и учил Его? С кем советуется Он, и кто вразумляет Его и наставляет Его на путь правды, и учит Его знанию, и указывает Ему путь мудрости?» (Ис. 40:13–14).

Бесконечность и беспредельность означают, что Бог существует вне категорий пространства, свободен от всякого ограничения и недостатка. Он не может быть измерен, Его нельзя ни с кем и ни с чем сравнить или сопоставить. Бог вечен, то есть существует вне категорий времени, для Него нет прошедшего, настоящего и будущего: «Я тот же, Я первый и Я последний», – говорит Бог в Ветхом Завете (Ис. 48:12); «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет», – читаем у Иоанна Богослова (Апок. 1:8). Не имея ни начала ни конца во времени, Бог является несотворенным – никто не создал Его: «Прежде Меня не было Бога и после Меня не будет» (Ис. 43:10).

Бог обладает постоянством, непреложностью и неизменяемостью в том смысле, что у Него «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1:17), Он всегда верен Самому Себе: «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23:19). В Своем существе, действиях, свойствах Он всегда пребывает один и тот же. Бог прост и несложен, то есть не делится на части и не состоит из частей. Троичность Лиц в Боге, о чем речь пойдет в следующей главе, не есть разделение единой Божественной природы на части: естество Бога остается неделимым. Понятие о совершенстве Божества исключает возможность деления Бога на части, так как всякое частичное бытие не есть совершенство. Что означает сущность простого естества? – спрашивает святитель Григорий Богослов. И, пытаясь ответить на этот вопрос, говорит о том, что разум, если хочет исследовать беспредельного Бога, не находит ни начала, ни конца, потому что беспредельное простирается дальше начала и конца и не заключено между ними; и когда разум устремляется вверх или вниз, пытаясь найти какие-то пределы или границы своим представлениям о Боге, он не находит их. Отсутствие всяких границ, делений и пределов является простотой в Боге¹³.

Бестелесным Бог назван потому, что Он не есть материальная субстанция и не имеет тела, но по природе является духовным. «Бог есть Дух», – говорит Христос самарянке (Ин. 4:24). «Господь есть Дух, – повторяет апостол Павел, – а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). Бог свободен от всякой материальности: Он не есть где-то, не есть нигде, не есть везде. Когда Библия говорит о *везде*присутствии Бога, то это опять же попытка выразить субъективный опыт человека, который, *где* бы он ни был, *везде* встречает Бога: «Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138:7–10). Но субъективно человек может ощущать Бога везде, а может не ощущать Его нигде – Сам Бог при этом остается вообще вне категории «где-то», вне категории «места».

Бог невидим, неосязаем, неопишем, непостижим, необъятен, недоступен. Сколько бы мы ни пытались исследовать Бога, сколько бы ни рассуждали о Его именах и свойствах, Он все равно остается неуловимым для ума, потому что превосходит всякую нашу мысль. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно», – пишет Платон¹⁴. Святитель Григорий Богослов, полемизируя с эллинским мудрецом, говорит: «Изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно»¹⁵. Святитель Василий Великий говорит: «Я знаю, что Бог есть. Но что такое сущность Его – считаю это выше понимания. Поэтому как спасаюсь? Через веру. А вера довольствуется знанием, что Бог есть (а не *что* Он есть)... Сознание непостижимости Божьей и есть знание о Его сущности»¹⁶. Бог невидим – Его «не видел никто никогда» (Ин. 1:18) в том смысле, что никто из людей не мог постичь Его сущность, охватить Его своим зрением, восприятием, умом. Человек может приобщиться к Богу, стать причастным Ему, но он никогда не может понять Бога, потому что «понять» – это значит в каком-то смысле исчерпать.

Утверждение и отрицание

Рассматривая имена Бога, мы приходим к выводу, что ни одно из них не может дать нам полного представления о Нем. Говоря о свойствах Бога, мы также обнаруживаем, что их совокупность не есть Бог. Бог превосходит любое имя: назовем ли Его бытием – Он превосходит бытие, Он есть сверхбытие; назовем ли правдой или справедливостью – в Своей любви Он превосходит всякую справедливость; назовем ли любовью – Он больше, чем любовь, Он сверхлюбовь. Бог также превосходит любое свойство, какое мы способны Ему приписать, будь то всеведение, вседеприсутствие или неизменяемость. В конце концов мы приходим к пониманию того, что о Боге вообще ничего нельзя сказать утвердительно: все, что бы мы ни сказали о Нем, является неполным, частичным и ограниченным. Отсюда естественный вывод: мы не можем говорить о Боге, что Он *есть*, а можем только говорить, что Он *не есть*. Этот способ рассуждения о Боге получил название апофатического (отрицательного) богословия в отличие от катафатического (положительного).

Апофатизм заключается в отрицании всего, что *не есть* Бог. По словам протоиерея Георгия Флоровского, Бог «выше... всякого ограничения, выше всякого определения и утверждения, а потому и выше всякого отрицания... Апофатическое “не” равнозначно “сверх” (или “вне, кроме”) – означает не ограничение или исключение, но возвышение и превосходство... Божество выше всех умопостигаемых имен и определений... Бог не есть ни душа, ни разум, ни воображение, ни мнение, ни мышление, ни жизнь, Он не есть ни слово, ни мысль... Бог не есть “предмет” познания, Он выше познания... Поэтому путь познания есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолкания... Бога мы познаем только в покое духа, в покое незнания. И это апофатическое незнание есть, скорее, сверхзнание – не отсутствие знания, но совершенное знание, несоизмеримое поэтому со всяким частичным познанием. Это незнание есть созерцание... Бог познается не издали, не через размышление *о Нем*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.